

Нивард Гентский

Нивард Гентский вошел в историю литературы как автор первого «животного эпоса» в западноевропейской литературе — поэмы «Изенгрим». Поэма эта, написанная элегическими дистихами, была закончена ок. 1148 г. — в конце ее есть горькие отклики на неудачу второго крестового похода — и явилась первой попыткой поэтического свода разрозненных народных сказок о животных. Позднейшие «романы о Лисе» шли уже по проторенному пути. Об авторе поэмы известно очень мало. Он был родом из рейнской Германии (в поэме он с любовью упоминает о Кельне), но учился, по-видимому, во Франции, побывал в Париже, Реймсе, Бовэ и Туре; потом стал архидиаконом в Генте и учителем в гентском монастыре Бландиньи. Живя в Нидерландах, в области, где боролись французское и немецкое культурное влияние, Нивард был решительным приверженцем французской культуры: все положительные персонажи его животного эпоса имеют лоск французской куртуазности, а грубые волк и осел, напротив, именуются немцами. Живя в эпоху обостряющейся вражды между все более светской культурой епископств и все более аскетически-религиозной культурой монастырей, Нивард был решительным приверженцем первой, гуманистической тенденции: своего волка он изображает именно монахом и усиленно подчеркивает, что все монахи ему вполне подстать: грубые, глупые, жадные и прожорливые.

Поэма Ниварда озаглавлена «Изенгрим» — по имени героя-волка — и разделена на семь книг. По этим семи книгам распределяются двенадцать основных эпизодов поэмы. Начинается рассказ с того, что волк Изенгрим встречается с лисом Рейнардом в лесу, испуганный лис желает волку хорошей добычи, а волк отвечает: «Ты моей будешь добычей». Рейнарду удается спастись, предложив волку совместной хитростью ограбить мужика с окороками и поделить добычу. Хитрость удается, но волк забирает всю добычу себе, и лис остается ни с чем. Лис начинает мстить: сперва он соблазняет волка рыбной ловлей в проруби, где волк отмораживает хвост; потом он предлагает волку делить поле между четырьмя баранами, и они жестоко бодают жадного судью; наконец, лис предлагает больному льву-королю в качестве целебного средства завернуться в содранную волчью шкуру, и хотя Изенгрим усиленно предлагает вместо своей немецкой шкуры старую шкуру с французского волка гораздо лучшего качества, однако безуспешно: с него сдирают шкуру, и он убегает голый, преследуемый насмешками. Король лев выздоравливает; на пире по этому случаю рассказываются три новые истории из прежней жизни волка и лиса: о том, как волк неудачно

пытался поживиться, пристроившись к козьему паломничеству в святую землю, о том, как лис хотел перехитрить петуха, но петух ему не поддался, и о том, как лис уговорил волка пойти в монастырь Бландиньи, а сам в его отсутствие разорил его дом и обесчестил его волчицу; волк же прожил в монастыре недолго и был с позором изгнан оттуда за пьянство и буйство (этот эпизод переведен ниже). Тем временем у волка отрастает новая шкура, и он подвергается новым злоключениям. Конь, которого он хочет ободрать, предлагает ему взять ножик из-под заднего копыта и разбивает ему копытом голову; баран, которого он хочет проглотить, берется сам прыгнуть ему в пасть и поражает его своими рогами; на совместной охоте со львом и лисом волк недостаточно умело выделяет в добыче львиную долю, и за это с него вторично сдирают шкуру; волк пытается вместо своей содрать себе шкуру с осла, но попадает в ловушку и вынужден отгрызть себе лапу; наконец, он встречается со свиньей-аббатисой и намеревается ее сожрать, но та пением скликает на помощь все свое монашеское стадо, волк гибнет под его копытами, свинья сочиняет ему издевательскую эпитафию, а Рейnard произносит над ним надгробную речь.

Можно считать достоверным, что до Ниварда сюжеты этих сказок не обрабатывались как нечто целое ни на латыни, ни на новых языках: поэт пользовался непосредственно фольклорным материалом. Обработал он его с большим искусством, по возможности сгладив неизбежное однообразие нанизываемых эпизодов. Поэма начинается с торжества волка над лисом, а затем в три приема следует все более полное поражение волка: первая серия эпизодов кончается тем, что с волка сдирают шкуру, вторая — тем, что Рейnard бесчестит его семью, третья — гибелью волка под свиньиными копытами. Концовка эта не имеет самостоятельных параллелей в других версиях сказок о лисе и волке: по-видимому, поэт сочинил ее сам для вящего эффекта. Поэтическими образцами Ниварда были Овидий и Гораций, но к классической строгости он нисколько не стремился, твердо памятовал о комической и дидактической установке своей поэмы и широко пользовался в ней всеми богатствами разговорной средневековой латыни, вплоть до вычурных ругательств и комически изощренных метафор. Особенной живостью отличаются у него многочисленные диалогические части. Из-за комизма и из-за обилия моральных сентенций поэма пользовалась популярностью, переписывалась и перерабатывалась в полном и в сокращенном виде. Влияние ее на позднейшие городские версии «романов о Лисе» на новых языках было очень значительно.

ИЗЕНГРИМ

[Изенгрим поступает в монастырь]

(V, 313—454)

Мчался Рейnard без оглядки, забыв обо всем, кроме бегства,
Чем он дальше бежал, тем становился бодрей.
Ужас надежду гасил, но надеждою страх умерялся:
Даже на трудной тропе скорости лис не сбавлял.
Но сквозь трущобы лесные, по диким скалистым ущельям

Четверо суток уже неся усталый беглец.
 Даже за весь этот срок ему в рот не попало ни крошки,
 320 И передышки себе он не давал ни на миг.
 Но изнемог, наконец, от голода силы утратив.
 И отказались ему быстрые ноги служить.
 Только тогда он поверил, что псы давно уж отстали,
 Что безопасны пути, страх свой пора позабыть.
 Тут он свободно вздохнул и с испугом своим распростился
 И, оглянувшись вокруг, здесь захотел отдохнуть.
 Вдруг навстречу ему приятель-повар: однажды
 Лис от набега волков стадо его охранил.
 Нынче ж за эту услугу воздал ему повар сторицей
 330 (Раз хоть один, наконец, честность пошла ему впрок!)
 Повар заметил что лис, как видно, бегством измучен,
 Изголодался вконец, еле стоит на ногах.
 Вспомнивши службу его, тотчас он ему в благодарность
 Жирных мясных пирожков полную миску принес.
 Но не сказал бы никто, врага ли Рейнард приметил
 Или встретиться с ним он рассчитал наперед, —
 Только сберег пирожков целых восемь и, съев, что осталось,
 Он попросил, чтоб ему сбрили на темени мех.
 340 Взяв пирожки, он ушел обритый и сытый, чтоб дядю,
 Коль повстречается с ним, мог он задобрить едой.
 (Нрав у Рейнарда таков: если выгоду в будущем чует,
 Он про обиду свою может как будто забыть.)
 Верно, предвидел Рейнард, что судьба его не обманет,
 Вскорости в дебрях лесных он повстречал старика.
 Как был рад Изенгрим — ведь давно он с врагом не видался
 В новой шкуре свой! — как он теперь ликовал!
 Радостно стал завывать и уже приготовился прыгнуть;
 Но охладил его пыл лакомый запах еды.
 Крикнул: «Рейнард, сатана! По какой счастливой ошибке
 350 Ты мне навстречу идешь? Это хотел бы я знать.
 Ну, подойди-ка поближе! Зачем ожидать тебе казни?
 Лучше внезапная смерть: будешь ты мигом убит».
 Видя, что дядя не хочет напасть на него без задержки,
 Речь такую повел, молвив с упреком, Рейнард:
 «Дядюшка, зря ты кричишь! Ведь всей подобает молчанье
 Братии нашей; тебе надо бы ведать устав.
 Я — не Рейнард-сатана: у меня прозвание другое.
 «Брат мой, Рейнард!» ты скажи; имя забудь сатаны!
 Разве не видишь ты знак принесенных мною обетов?
 360 Брат я; взгляни на главу! вот и еду я принес —
 Всякий, увидев, поймет: это пища обители нашей,
 Глянь!» — и бросает Рейнард волку горшок пирожков.
 Но не успели они до земли долететь, как немедля
 Волк их схватил налету, с мискою вместе сожрав.
 Если женщина в пищу готовит ячменные зерна,

В острые зубы песта сыплет их раз и другой,
И наполняет сосуд мукою, размолотой мелко,—
Должен бы был Изенгрим именно так поступить.
Он же все проглотил, а что проглотил, не заметил:
370 Все угощенье спустил в жадную глотку свою.
Он в изумленье стоял, будто чудо над ним совершилось;
Но испытаньем таким был он доволен вполне.
Молвил: «Быть может, я сплю? Иль я сновиденьем обманут?
Правду скажи мне, Рейнард: было ли это иль нет?
Помнится мне, будто нечто превкусное мне перепало:
Ты ли мне что-то метнул? или иной кто-нибудь?»
Так говоря, Изенгрим озирался то вправо, то влево;
Но догадаться не мог, что у него в животе.
Он прибавил: «Я что-то увидел и, пасть раскрывая,
380 Разом хотел ухватить; было оно на губах;
Вдруг — исчезло опять! Куда же оно улетело?
Может быть, спал я? Но нет — что-то я все же схватил.
Лакомый тот аромат до сих пор я чувствую в пасти,
Но злополучным зубам нечего было жевать.
В бедные зубы мои лишь воздух пустой попадает,
Хоть раскрываю я пасть — кажется, шире нельзя!
Что ж это я проглотил? Быть может, дыхание ветра?
Иль померещилось мне? Ясно — я все потерял.
Ну, поищи же, в какую дыру это все провалилось,
390 Ближе ко мне подойди!» — Лис делал вид, что искал,
Сам же стоял вдалеке, не спеша, по уставу монахов:
Даже коль волк не сердит, все же грозна его пасть.
«Дядюшка, кухонный дым мне очи мои застилает,
И от горячих паров зренье мутится мое.
Да и к чему нам искать того, что найти не удастся?
Помнится мне, что в твою глотку влетело оно.
Разве же зубы твои не впивались могучим укусом
В твердый какой-то кусок и не разгрызли его?
Все, что пропавшим ты мнишь, не в зубах ли оно утаилось?
400 Старые зубы с дырой, видимо, есть у тебя.
Ну-ка, разинь свою пасть, языком свои зубы ощупай,
Их изнутри оближи — верно, ты крошку найдешь». —
«Нет!» — возражает старик. — «Пускай! что пропало, пропало:
Поздно искать, и теперь выход из брюха закрыт.
Пусть же потерю мою возместит грядущая прибыль!
Брат мой! хочу я туда, где эти блюда дают.
Только пугает меня запрет на твердую пищу:
Там ведь придется вкушать мягкую только еду!
Нечего делать зубам — только ляснешь, и пища проходит:
410 Медленно входит она, ну, а выходит легко.
Вот потому-то всегда остается брюхо голодным,
А на желудок пустой и благочестье не впрок». —
«Дядюшка! — молвит монах, — Забудь о своих опасеньях!

Пища легка, но зато мерят ее, не скупясь:
 Досыта можешь наесться». Но тут Изенгрим возражает:
 «Скажешь, Рейнард-сатана, будто там вдоволь едят?
 Знаю! дают на двоих, что едва одному мне хватает!
 Вряд ли на этой еде зубы себе повредишь».
 Молвит на это монах, как будто сдержавши обиду:
 420 «Дядюшка, ты не в уме! снова зовешь сатаной?
 Братом себя ты считай, воспользуйся братским советом,
 И не страшись, что тебе впроголодь жить суждено.
 Все получают довольно, но тем, кто в пенье искусен,
 Тем дается еда, как одному за троих.
 Если согласен ты петь, — кто может с тобою сравниться?
 Даст награду вдвойне дивное пенье твое.
 Сдерживать голос не смей, умалять свою славу не надо:
 Глоткой горластой своей песню до звезд возноси!»
 С радостью молвит старик: «Ты правду сказал, я — свидетель:
 430 Мне ты, ничуть не польстив, честно возносишь хвалу.
 Эту должность певца мне, верно, Господь посылает!
 Мог ли надеяться я? Славным я буду певцом!
 Вряд ли отыщется мних с такою широкою глоткой,
 Чтобы напев из нее громче и ярче звучал».
 Молвит проворно Рейнард: «Давно хлопочу я об этом!
 Вижу я, вижу: тебе по сердцу будет устав.
 Лишь остается решить, в какой же поступишь ты орден,
 И какую ты в нем должность возьмешь на себя?»
 Скромно потупив глаза, ему Изенгрим отвечает
 440 И говорит, не таясь, что у него на душе:
 «Брат, не гонюсь я за саном, приму невеликую должность
 (Знаешь, ведь, сам Люцифер в царстве подземном живет).
 Пусть же, покамест за доблесть мою меня не оценят,
 Стану на кухне служить или овчарню хранить.
 Ну же, скажи мне скорей, в какую обитель податься?
 Мех на макушке побрей, чтоб не прогнали меня!»
 Лис совет подает вступить в монастырь Бландинейский,
 Волчью голову лис с уха до уха стрижет.
 Весело волку входить, а выйти-то как доведется?
 450 Вот он идет в монастырь, всем говорит: «Будь здоров!»
 Так говорит потому, что других он не знает приветов,
 Не научился еще «Благословите!» — сказать.
 Он произносит обет, он включается в общину братьев,
 И покрывает клобук нового брата главу.

[Изенгрим в монастырском погребѣ]

(V, 821—982)

Чтец, по счету десятый, закончил чтение. и приор
 Строго знак подает новому брату — запеть!

Но невежда-монах тишину нарушает святую:
 «Что мне до знаков твоих? Толком что нужно скажи!»
 Тут из монахов один или два, его вразумляя,
 Дуют, шипят, чтоб он смолк; он же не хочет молчать.
 «Понял я, братцы, уже ваши вздохи: кончайте шипенье!
 Верно, велит этот знак к трапезе нам поспешить.
 Если бы знак этот дать умели мы в должное время,
 830 Дольше бы в десять раз надо нам дуть и шипеть!
 Надо бы в этот час угостить нас едой предпоследней,
 Только грузило в часах медленно слишком идет.
 Ночь ведь почти на исходе, а нас приглашают шипеньем
 К трапезе первой! Устав надо нам лучше блюсти!
 Я хоть разгневан, но все же приду; Творца восхвалите!
 Пусть на Господень призыв не опоздает никто.
 Пищу нам освятит и питье тот, кто нам их дарует;
 Пусть он щедрой рукой нам увеличит свой дар!»
 Братию эти слова повергли в испуг и смятенье:
 840 Сколько сил у кого, дуют они и шипят.
 Скоро дутьем и шипеньем как будто наполнилась церковь,
 Словно вселились в нее сотни летучих мышей.
 Так, коль под шум жерновов окликнешь ты мукомола,
 И до слуха его слово твое не дойдет,
 Несколько пусть человек засвистят — и откликнется эхо
 Громко, как будто от стен свист отразится тотчас;
 Так же вздыхает тростник под напором южного ветра;
 Струсил волк не шутя, этот заслышавши звук.
 Вдруг показалось ему, что гусей, наверно, три сотни
 850 В церковь проникли, шипя так, что дрожит монастырь.
 Вспомнил он случай, когда одного только гуся шипенье
 В ужас повергло его, силы лишило в ногах.
 Здесь же, внезапно задуты, погасли светильники разом;
 Многих страх охватил: мнилось им, кара небес.
 «Богу хвала» не пропев, ударили в колокол главный,
 С каждым мигом сильней шум становился и гром.
 Пуще волк испугался, — привык он, что к трапезе малой
 Лишь колокольчик зовет, ныне же сильный удар
 Дважды со звонницы грянул: уж, верно, к трапезе великой
 860 Всех призывал этот звон, коли ошибки здесь нет!
 Братия вся, кто куда, врассыпную бежала по храму:
 Валят скамью на скамью, книги хватают, кресты.
 Служек семь молодых под коврами укрылись, двенадцать
 Под балдахин заползли, спрятались восемь в ларях;
 Кто под скамью за алтарь, а кто в аналой залезает,
 Рясы подол иль кулак в рот затыкая себе.
 Силится смех кое-кто удержать, но от смеха трясется;
 Многих братьев уже хохот его заразил.
 Чтoб поскорее они заткнули раскрытые глотки,
 870 В дело вступился аббат — нравом он сущий был волк.

Сколько он мог поглотить пятилетней влаги Фалернской!
 Мало другим уделив, много себе наливал.
 Был он дороден, и шесть жерновов поднять без усилий
 Мог бы; могильным червям жирный готовил он пир.
 Сладкий шотландский пирог он на день ел по три раза,
 В сале его разогрев (сух он казался ему,
 И потому, чтоб пирог как будто бы в сале купался,
 Щедрой рукою аббат сало туда подливал).
 Вот потому-то рыгал он за утренней трапезой часто,
 880 И со вчерашнего дня был и пресыщен и пьян.
 Вряд ли хоть ночку одну аббат проводил без попойки,
 Будь это даже в году самая длинная ночь.
 Кто из братии всей мог стелько вместить в свое чрево?
 Кто так щедро умел перцем посыпать яйцо?
 Знал он не больше козла, в беседе хрипел он, как коршун,
 Голос звучал у него — словно проказой хворал.
 Он, словами давясь, поминутно речь прерывая
 (Голос его то свистел, то, как бессильный, дрожал),
 «Пой же, брат Изенгрим, напев начинай по порядку!» —
 890 Так он сказал бы ему, если бы мог говорить...
 Братия, впрочем, его услышав, шуметь перестала,
 Волку сказала: «Напев, братец, в черед свой начни».
 Только невежда лесной не знал ничего о напевах,
 И рассердившись, он дал братии гневный ответ:
 «Вот почему вы — я понял теперь — так долго шипели?
 Что же такое «напев», мне ни один не сказал?
 Вижу я, трапезу нашу уводят у нас из-под носа,
 Мне ж приказали сейчас лишь за напевом бежать.
 Впрочем, если «напев» означает «напиться», то можно
 900 Ужин простить; коли так — пить я скорей побегу.
 Голод печально поет, но жажда терзает сильнее:
 Полная чара вина душу несет к небесам».
 В погреб его проводить приказал монах добродушный,
 Двери велел охранять, после — народ привести.
 В погреб войдя, Изенгрим стал из бочек вытаскивать пробки.
 Чтоб хорошенько узнать, что эти бочки хранят.
 Пробует разные вина, но, жадному сердцу послушен,
 Он, чтобы лучше сравнить, пробок не хочет вставлять.
 Сам с собой говорит: «Ведь так нас Писание учит:
 910 Лучшее чтобы избрать, все испытать мы должны.
 Ежели блага к тебе притекают — воздержен лишь скряга.
 Вина хранить — для кого? Лучше уж выпей их сам!»
 Братии, ждущей запева, казалось, что слишком уж долго
 Жажду волк утолял; вновь провожатый идет;
 Видит — плавает волк, в вино погруженный по горло.
 «Брат, — он молвит ему, — славно купаешься ты!
 Верь мне, твоя голова назавтра будет в темнице,
 Ну, а шкуре твоей славную баню дадут.

Больно уж с первого раза явился ты кравчим отменным!
920 Должность эту другой выполнит вместо тебя.
Жажду неужто не мог утолить ты более скромно?
Пить помаленьку не раз лучше, чем враз чересчур».
Пьяный волк говорит: «К чему, клобук бестолковый,
В этот погреб входить, не закусивши овцой?
Только ради овец я сюда войти удостоил.
Мог бы я в брюхо мое вчетверо больше вместить.
Разве моя голова и спина так малы по размерам?
Что ж разделяешь ты их? Целым остаться хочу!
Братьям не по сердцу, видно, что я повинуюсь уставу,
930 Все они против меня, я лишь за правду стою!
Хочешь меня ты прогнать, по приказу ли или за подкуп,
Чтобы себя оправдать в нашей совместной вине.
Равен преступнику тот, кто учил меня преступленью;
Ум зловерный всегда злобную руку найдет.
Всем внушай ты, прошу, что их обманули — живу я
Так же, как сами они, — право, не так уж я глуп.
Так указывает устав — горе тем, кто его нарушает! —
Бахус велит превышать среднюю меру питья.
Этим заветам верны клобуки и разные рясы:
940 Много братия пьет, пьет втрое больше аббат.
Иль не по вкусу аббату, что я ему подражаю,
Следую только за ним, верно иду по стопам?
Разве жалуясь я, что в мой он орден вступает?
Что ж он препятствует мне делать, что делает он?
Можно ль подлея поступать? Толпа его льстивая хвалит,
Мне ж поступки его всякий вменяет в вину.
Можно ль того презирать, кто жребий твой разделяет?
Все мы друг другу сродни, общая вера у нас.
Ибо аббат наш — обжора, пропойца, и братьев он выше
950 Разве что саном своим и поклоненьем жратве.
Мало этого мне, подражателем быть не хочу я —
Первым стать я стремлюсь и перед всеми идти.
Доблестью я превзойду и аббата и всех моих братьев:
Тот, кто всех больше сожрет, будет и самым святым.
Ты совет мне даешь умеренней пить? Ты не знаешь,
Ежели всласть я напьюсь, кто же меня превзойдет?
Слишком ты поспешил! Когда я скажу «мне довольно»,
Вот тогда погляди, кто будет выше меня.
Ты стерпел бы, бедняк, чтоб вина без смысла пропали?
960 Вот они все налицо — что же ругаешься ты?
С братией всей пирозал я б охотно, мы пили бы вволю,
Столько бы ели овец, сколько захочется нам.
Здесь же, покуда вина хоть каплю слизнуть мне удастся,
Буду я ночь проводить, здесь оставаться и днем».
Посланный все передал и братьям своим и аббату,
Но не нашлось никого, кто б Изенгрима хвалил.

Все, как один, поклялись изгнать злополучного брата,
Каждый оружие схватил, что под рукою нашлось.
Все, ни минуты не медля, берут, что кому попадется:
970 Черепом конским один вооружился монах,
Сеном набитую чашку хватает другой, что стояла
Возле аббата всегда — часто в нее он плевал.
Третий в руки берет колокольчик разбитый, которым
В пятую стражу звонят; старого часть колеса
Быстро хватает четвертый; и терку для зерен горчичных
Мощным оружием своим сам избирает аббат.
Вломана в погребу дверь; за нею, ничуть не смущаясь,
Брат Изенгрим продолжал чинно попойку свою.
Думал, наверное, он от всех получить брагодарность,
980 Но из враждебной толпы сыпались сотни угроз:
«Вон убирайся, болван! Пропади, сатана ненасытный!
Выпить мы ни глотка больше тебе не дадим!..»